

Ермакова О. К.
(Екатеринбург)

УДК 94(470)

**РОССИЙСКО-ФРАНЦУЗСКОЕ
ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В КОНЦЕ XIX В.:
АГЕНТЫ И СЕТИ ДОВЕРИЯ ДЕЛОВЫХ ЭЛИТ***

В статье рассматривается российско-французское экономическое сотрудничество конца XIX в. через призму исследования сетей доверия деловых элит. Ставится цель выяснить, насколько представители крупнейших банковских структур и бизнеса влияли на динамику финансово-экономической стороны франко-русского политического альянса. Исследован круг агентов и контактеров, осуществлявших взаимодействие не только в среде финансистов и предпринимателей, но имевших связи во властных структурах. На основе изучения переписки представителей российской и французской деловых элит сделаны выводы о том, какие позиции они занимали в осуществлении совместных финансовых операций, и насколько важную роль играла внешнеполитическая конъюнктура в принятии коммерческих и инвестиционных решений. Представляется, что для профессиональных банкиров первоочередным являлся вопрос прибыли. Действуя в общей кооперации с правящими элитами, финансисты не всегда разделяли мнения политиков о методах достижения дипломатических целей посредством использования банковских институтов, поскольку такие пути порой вели к уменьшению доходов кредитных организаций. Банкиры же стремились, прежде всего, к получению выгоды. В то же время среди представителей делового мира были люди, вовлеченные в дипломатическую службу, для которых важными являлись и политические, и экономические стороны сотрудничества, а также научное изучение страны-союзницы.

Ключевые слова: франко-русский союз, сети доверия, экономическое сотрудничество, деловые элиты, Россия и Франция в конце XIX в.

The article considers Russian-French economic cooperation in the late 19th century through the prism of studying trust networks of business elites. The aim is to find out to what extent representatives of the largest banking structures and businesses influenced the dynamics of the financial and economic side of the Franco-Russian political alliance. The author reveals a circle of agents and contacters who interacted not only among financiers and entrepreneurs, but who had connections in power structures. Based on the study of the correspondence between representatives of the Russian and French business elites, the paper allows to make conclusions about the positions, which these people occupied in the implementation of joint financial operations, and to which extent the foreign policy environment was important in making commercial and investment decisions. It seems that for professional bankers the first priority was the issue of profit. Acting in general cooperation with the ruling elites, financiers did not always share the opinions of politicians on the methods of achieving diplomatic goals through the use of banking institutions, since such paths sometimes led to a decrease in the income of credit organizations. Bankers, on the other hand, sought, above all, to obtain benefits. At the same time, among the representatives of the business world there were people involved in the diplomatic service, for whom both the political and economic aspects of cooperation, as well as the scientific study of the ally country, were important.

---

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского научного фонда в рамках проекта № 20-78-10014 «От Соглашения к Пакту: франко-русские/франко-советские отношения в период 1890-1930-х гг.»

Keywords: Franco-Russian Alliance, networks of trust, economic cooperation, business elites, Russia and France in the late 19th century.

DOI: 10.24888/2410-4205-2023-34-1-94-101

Российско-французское экономическое взаимодействие последней четверти XIX в. осуществлялось в рамках создания совместных банковских структур, реализации крупных государственных займов, а также частных проектов и инициатив. Конструирование различных форм сотрудничества и их успешную реализацию во многом обеспечивали неформальные сети доверия, давние и вновь созданные клиентелы, дружеские и бизнес-контакты деловых элит. В центре клиентел находились представители правящих элит, непосредственно влиявшие на экономическую политику и финансовые стратегии государства. Важное значение для тех, кто входил в административный аппарат власти, имели коммуникации с определенным кругом лиц, осведомленных о состоянии мирового финансового рынка и имевших широкие международные связи делового характера. На их помощь и содействие (в том числе, информационного плана) опирались руководители министерства финансов, оценивая перспективы и риски тех или иных коопераций или даже проектов реформ. Реконструкция систем доверия приближает к пониманию механизмов и выявлению агентов (акторов) финансово-экономического сближения России и Франции в конце XIX столетия.

Одной из знаковых фигур делового мира России и Западной Европы последней четверти XIX в. можно считать банкира Адольфа Юльевича Ротштейна. Он родился в 1857 г. в Берлине, а в конце 1870-х гг. переехал в Россию. Еще до прибытия в Петербург Ротштейн некоторое время практиковался во Франции под покровительством банкирского дома Ротшильдов в Париже [4, с. 261]. Очевидно, что приобретенные во время стажировки связи пригодились Адольфу Юльевичу в дальнейшем. Именно он выступал одним из главных участников переговоров с парижской ветвью Ротшильдов в конце XIX в., когда российско-французское финансовое сотрудничество активно развивалось [13, л. 57-58]. В 1890 г. А. Ю. Ротштейн стал директором Петербургского Международного коммерческого банка, а в 1895 г. – одним из учредителей и директоров Русско-Китайского банка (организованного при участии российских и французских капиталов) [4, с. 261]. Именно Ротштейн, которого можно по праву считать сторонником привлечения французских инвестиций в Россию, проводил переговоры в Париже по поводу учреждения Русско-Китайского банка [10, с. 91].

Личность Адольфа Ротштейна в контексте исследования сетей доверия важна еще и потому, что он находился в дружеских отношениях с С. Ю. Витте. Устойчивые личные контакты завязались между ними в период, когда Сергей Юльевич занимал пост министра путей сообщения [18, с. 53]. После назначения Витте на должность министра финансов Ротштейн, обладавший обширными деловыми связями по всей Европе, и вовсе стал доверенным информатором и агентом политика. Примечательно, что в переписке 1890-х гг. А. Ротштейн использует официальные обращения к С. Ю. Витте: «Господин Министр» («Monsieur le Ministre») и «Ваше превосходительство» («Votre Excellence»), а в финале писем выражает чувства глубокого уважения и преданности [11, л. 1, 2об.]. При этом тон повествования и содержание текстов свидетельствуют о доверительных отношениях корреспондентов. Сообщения, передаваемые Ротштейном, помимо сведений о переговорах или условиях сделок, включали информацию о наблюдаемых банкиром интригах и его оценках тех или иных людей как потенциальных партнеров.

Важное место в переписке Ротштейна и Витте занимало обсуждение денежной реформы в России и отношения зарубежных контрагентов (в том числе, французских) к введению золотого стандарта. В ситуации с денежной реформой Ротштейн сыграл положительную роль, осведомив французских банкиров во главе с Ротшильдами о намерении Витте оставить занимаемые Россией средства на временном хранении во французских банках.

Это обеспечило министру финансов поддержку со стороны улицы Лафитт, хотя такая позиция банкиров (принятая после долгих колебаний), как отмечает В. И. Бовыкин, противоречила интересам французского казначейства [18, с. 56]. В своих воспоминаниях С. Ю. Витте рассказал о том, как нелегко ему приходилось «говорить и спорить» по вопросу денежной реформы «с такими крупными финансистами – крупными не столько в смысле практики, сколько в смысле ума, – как, например, знаменитый Альфонс Ротшильд, Леон Сэ, бывший министр финансов в начале Французской республики, сын знаменитого экономиста Сэ» [3, с. 417]. Ротшильд и Сэ, а также французский политик и экономист Мелин, выступали за денежное обращение, основанное на серебре. В целом же, отмечал С. Ю. Витте, французов больше всего устроило бы серебро в качестве основного металла, или, по крайней мере, биметаллический стандарт, основанный не только на золоте, но и на серебре. Министр финансов упоминал также о фактах, когда Мелин интриговал против российской денежной реформы. Записки Мелина по этому предмету попали к российскому императору через французского посла в Петербурге – графа Монтебелло [3, с. 418]. К слову, А. Ротштейн в одном из писем в ноябре 1896 г. информировал С. Ю. Витте о продолжении такого рода интриг со стороны Монтебелло, напоминая о том, что при прежнем императоре схожие попытки делались «со стороны французских министров Аното и Мелина» [11, л. 1].

Если С. Ю. Витте относился к «друзьям» Ротштейна более высокого ранга и положения, скорее – к патронам, то директор Петербургского Международного коммерческого банка Герман Спитцер занимал в профессиональном сообществе позиции, сопоставимые с положением Адольфа Юльевича. Впрочем, по совокупности связей и занимаемых должностей Ротштейн все же обладал *большим* влиянием. Финансистов связывали дружеские отношения, что отражалось в их переписке. Они обращались друг к другу одинаково неформально: «*Mon cher ami*» («Мой дорогой друг»), и использовали короткую неформальную подпись «*Votre dévoué*» («Преданный Вам») [13, л. 8, 9, 15, 18].

Г. Спитцер, как и А. Ротштейн, активно контактировал с представителями Ротшильдов, а также с С. Ю. Витте. Одним из главных контрагентов Спитцера и Ротштейна являлся представитель Ротшильдов, Ж. Арон. Также переговоры велись с бароном Альфонсом Ротшильдом. В конце 1898–1899 гг. Г. Спитцер находился в Париже с целью заручиться финансовой поддержкой Ротшильдов. О ходе переговоров он регулярно информировал Ротштейна. Из его писем следует, что обсуждения проходили в тот период не без затруднений. В частности, Спитцер сообщал, что недоверие европейцев относительно состояния российского рынка вызвано, в том числе, негативной информацией из германских газет [13, л. 2–2об., 57–58]. Тем не менее, в одном из писем 1899 г. А. Ротштейну Г. Спитцер, например, сообщал о благосклонности Альфонса Ротшильда к Русско-Китайскому банку [13, л. 7].

Впрочем, Альфонса Ротшильда хорошо знал и С. Ю. Витте [3, с. 931]. Отношения между ними можно считать благожелательными и с высоким кредитом доверия. Собственно, фигура Витте являлась для французских банкиров гарантом надежности совместных операций. Поэтому Г. Спитцер отмечал, что из-за слухов о возможном «перемещении» Сергея Юльевича на пост министра иностранных дел Ротшильды колебались в вопросах оказания финансовой поддержки России [6, с. 154–157], хотя барон Альфонс Ротшильд и выражал желание «быть во всем приятным Эмилю [С. Ю. Витте. – *Е.О.*]» [7, с. 160]. Добрые отношения укрепляли деловые связи, но не определяли в полной мере стратегий сотрудничества. Для банкирского дома приоритетным оказывался вопрос выгоды, причем выгоды весьма очевидной и ощутимой, а не гипотетической. Рассуждая о позиции Альфонса Ротшильда, Г. Спитцер подчеркивал: «Я слишком хорошо его знаю, чтобы не понимать, что он не любит вкладывать свои деньги туда, где не слишком много и скоро получишь» [5, с. 157]. Когда в конце 1890-х гг. главным звеном предприятий группы Ротшильдов в России стало нефтяное Общество «Мазут», А. Ю. Ротштейн снова играл важную роль уполномо-

ченного Ротшильдов [2, с. 85–86]. В Париже эту функцию выполнял зять Альфонса Ротшильда, Морис Эфрусси [2, с. 86; 20, с. 171].

Еще одним контактером и партнером как Ротштейна, так и Спитцера, выступал французский банкир Эдуард Нетцлин, директор Парижско-Нидерландского банка, один из учредителей и член правления Русско-Китайского банка, а с 1910 г. – Русско-Азиатского банка. Спитцер, например, вел переговоры с Нетцлином о вложениях в электроиндустрию [6, с. 156]. Кроме того, от Нетцлина Ротштейн и Спитцер могли получить разного рода неофициальную информацию [12, л. 189–190; 13, л. 60; 14, л. 2].

Адольф Ротштейн не только делился с С. Ю. Витте собственными наблюдениями, но и передавал некоторые конфиденциальные разговоры своих контактеров (например, между французским директором Русско-Китайского банка в Шанхае Верунгом и французским послом в Петербурге), хотя и признавался, что «испытывает крайнюю неприязнь к сплетням». Кстати, Верунг виделся Ротштейну прекрасно подходящим на роль посредника между Русско-Китайским банком и правительством Франции [11, л. 1–2об.]. Об этом же «новом директоре в Шанхае» в 1896 г. благосклонно отзывался в переписке с А. Ротштейном еще один корреспондент банкира, представитель правления банка с французской стороны – Огюст Шабриер [15, л. 15–16]. Представляется, что с Шабриером у Ротштейна сложились благоприятные отношения. Судя по стилистике писем, Шабриер не входил в число близких конфиденентов Адольфа Юльевича, но в определенной степени их взаимоотношения можно считать дружескими, во всяком случае – партнерскими и вполне доверительными. Шабриер обращается к Ротштейну более официально, чем Спитцер: «*Cher Monsieur*» («Дорогой месье») и завершает письма развернутой формулой вежливости, например: «*Veuillez agréer, Cher Monsieur, l'expression de mes sentiments sympathiques et dévoués*» («Пожалуйста, примите, дорогой месье, выражение моей симпатии и преданных чувств») [15, л. 42]. Через переписку Ротштейна с Шабриером раскрывается характер российско-французского сотрудничества в рамках функционирования Русско-Китайского банка. Прослеживаются непростые отношения между главными французскими и российскими акционерами. При этом, как представляется, Шабриер был из тех, кто стремился наладить взаимодействие сторон в наилучшем варианте.

Деятельность Русско-Китайского банка не обходилась без внутренних конфликтов и соперничества. Летом 1897 г. А. Ротштейн сообщал в письме одному из директоров Петербургского Международного коммерческого банка, Ф. Нотгафту, о том, что французский министр иностранных дел Аното «хочет прибрать Русско-Китайский банк к своим рукам». Но это намерение не страшило российских финансистов. По мнению А. Ротштейна, благосклонность французов в данном аспекте была не так уж важна: «Отдавая должное французам, мы все же не можем пойти на то, чтобы превратиться в дураков» [Цит. по: 1, с. 111]. Конкретные намерения французских управленцев, опасавшихся усиления влияния России на Дальнем Востоке, заключались в идее усилить свои позиции за счет открытия дополнительного отделения банка на юге Китая, включив в его название слово «французский / франко-», а также увеличить число французских служащих в банке [10, с. 484–485; 9, с. 172]. Примечательна в этом отношении позиция О. Шабриера, выраженная им в одном из писем А. Ротштейну, которую можно считать стремлением к компромиссу. Шабриер полагал очевидным тот факт, что «Франко-Китайский банк» сможет существовать и процветать лишь в том случае, если в реальности им будет управлять Русско-Китайский банк, поскольку уповать только на французскую торговлю бесперспективно. Поэтому он считал, что нужно создать формальный филиал, чтобы удовлетворить французское правительство, но «не вводить в наш совет большого количества иностранных членов, иначе вместо умиротворения мы только усилим напряженность» [15, л. 62]. Данное утверждение выглядит двояко. С одной стороны, Шабриер поддерживал негативную позицию Ротштейна (и Витте) относительно намерений французов. Но в то же время, практические меры предлагал, по

сути, выгодные своим соотечественникам. Правда, следует заметить, что Шабриер просил Ротштейна убедиться, действительно ли условия, касающиеся авансов за товары, прописаны в уставе банка таким образом, чтобы не зависеть от французского законодательства, которое «является препятствием для бизнеса такого рода за границей» [15, л. 62]. Предлагая компромиссное решение, чтобы не обострять отношений с французским правительством, Шабриер все же считал искусственно создаваемую конкуренцию нескольких банков в Китае пагубным явлением для бизнеса. В такой ситуации (при условии действия Франко-Китайского, Русско-Китайского и Индокитайского банков) о реальной прибыли, по его мнению, не могло быть и речи [15, л. 77, 81–81об.; 8, с. 373].

В целом, О. Шабриер симпатизировал идее российско-французского сотрудничества в сфере экономики и финансов. В письме Ротштейну из Лиона от 18 февраля 1898 г. он сообщал благоприятную, на его взгляд, новость, о том, что Санкт-Петербургский частный коммерческий банк поглотил банковский дом Rabin, Rondel & Cie (Рабэн, Рондель и К^о) в Лионе и Марселе и основал в двух этих городах новый банк с капиталом около 4 миллионов франков под названием «Banque Privée industrielle, commerciale et coloniale de Lyon et Marseille» (Частный промышленный, коммерческий и колониальный банк Лиона и Марселя). Шабриер подчеркивал, что банку предстоит заниматься российскими промышленными делами и проводить финансовые операции между Францией и Россией [15, л. 71–71об.].

Другой представитель французской деловой элиты, а также дипломатического аппарата – Морис Верстрат, принимал активное участие в развитии экономических отношений между Россией и Францией с 1890-х гг. В рамках Русско-Китайского банка его основная деятельность пришлась на период после ухода из жизни А. Ротштейна в 1904 г. Но служба Верстрата оказалась связана с Россией уже в последнее десятилетие XIX в. С 1894 г. он работал во французском консульстве в России, затем получил назначение на должность коммерческим атташе в Петербурге, а с созданием в 1901 г. Северного банка вошел в его правление. Важно отметить, что Морис Верстрат не только хорошо разбирался в финансовых делах, но и обладал обширными сведениями о состоянии российской промышленности. Дипломат участвовал в промышленной выставке 1896 г. в Нижнем Новгороде, а также совершал ознакомительные поездки по России. Он посвятил России две монографии, где подробно описал состояние ряда промышленных отраслей и предложил пути их модернизации [22, 23]. М. Верстрат был близко знаком с директором Северного банка Л. Доризоном, который, в свою очередь, хорошо знал французского министра финансов (с 1899 г.) Жозефа Кайо, а также С. Ю. Витте [19, с. 377]. По согласованию с Л. Доризоном, Ж. Кайо и Э. Д'Уассэль, М. Верстрат стал руководителем Северного банка в Петербурге, имея полномочия вице-президента. Главным корреспондентом дипломата в Париже был его родной брат, Жорж Поль Верстрат, назначенный секретарем Луи Франсуа Доризона [21, с. 312]. В 1899 г. Морис Верстрат вошел в правление Русско-Китайского банка как дипломат и эксперт по промышленным и торговым операциям [21, с. 307]. Постепенно М. Верстрат старался принимать все более активное участие в делах банка, стремился оптимизировать его работу. В 1908 г. он представил свои предложения по реорганизации работы банка для повышения эффективности управления и улучшения результатов деятельности. Особенно Верстрата заботило управление филиалом на Дальнем Востоке. Он предлагал создать постоянную дирекцию, подразделяющуюся на: «Персонал», «Контроль по делам и рискам» и «Бухгалтерский контроль», а кроме того, сформировать группу инспекторов в главном офисе [17, л. 1–7; 16, л. 3–4об.].

В изучаемый период развитие экономических отношений между странами во многом зависело не только от решений государственных деятелей, но и от действий профессиональных финансистов и крупных инвесторов. Задумывались ли они о политических интересах и стремлениях властей? Хотели, например, французы модернизировать Россию? Рефлексиовали деловые элиты на подобные темы или нет? Конечно, прежде всего, следует

учитывать, что элиты были неоднородны по составу. Вероятно, отношение к происходящему на международной арене и мировом рынке зависело от места каждого отдельного представителя в этой большой игре. К примеру, Морис Верстрат, который являлся не только членом правления Русско-Китайского, Северного и Русско-Азиатского банков, но и определенное время занимал пост коммерческого атташе Франции в Петербурге, рассматривал экономические связи с точки зрения дипломатии и выгоды для своей страны в целом, а не только в контексте конкретных прибылей кредитных организаций. Он использовал аналитический, расширенный подход к данному вопросу, создал монографические исследования и предложил пути модернизации ряда отраслей российской промышленности. Основным средством для достижения обозначенных целей он считал привлечение иностранных капиталов и укрепление позиций французских банкиров и предпринимателей в обеспечении необходимых инвестиций [23, с. 44–50].

Представителям правящей элиты (как французской, так и российской) такие финансовые институты, как Русско-Китайский банк, виделись рычагами политического влияния. Но им противостояли интересы профессиональных банкиров. Для квалифицированных финансистов-управленцев на первом месте всегда стояла собственная выгода. Нельзя отрицать ориентирование банкиров на международную конъюнктуру. Они, безусловно, зависели от неё, хотя бы с точки зрения открывающихся коммерческих возможностей при политическом сближении государств. Но в то же время, их представления о методах и средствах достижения целей сотрудничества могли различаться с действиями властей. В итоге, профессиональные финансисты искусно лавировали между интересами правительств собственной страны, страны-союзницы и тех бизнес-партнеров, с которыми сотрудничали в коммерческих целях. Первичными оставались вопросы прибыли представляемых ими банков. Такому положению вещей способствовало то, что среди крупных банкиров и финансистов можно считать интернациональной.

Наконец, материалы переписки крупнейших финансистов позволяют заключить, что при внешней картине успешного и масштабного сотрудничества, внутри совместных российско-французских организаций существовали противоречия и конкуренция между участниками за превосходство в принятии решений, господство на определенных территориях (проведение финансовых операций, займов, торговли), иными словами – борьба за сферы влияния. Взаимозависимость внешнеполитических условий и экономической дружбы заключалась в том, что, когда дипломатические отношения между одними странами портились, а между другими улучшались – это открывало путь для реформирования схем сотрудничества в сфере государственных займов, создавало условия для деятельности крупных банкирских домов. Последние же, как представляется, будучи во многом космополитичны, стремились уловить нужный момент и выгодно вложиться в перспективное дело. Несмотря на некоторые противоречия, в конце XIX – начале XX в. сотрудничество России и Франции в сфере экономики имело твердые основы. Российские правящие элиты и деловые круги, помимо дипломатических целей, видели перспективу в привлечении французских капиталов, а во Франции страну-союзницу воспринимали как сильного политического актора и набирающего мощь экономического игрока на международной арене.

Список источников и литературы

1. А. Ротштейн – Ф. Нотгафту. Енхаузен, 28 июля / 9 августа 1897 г. // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 111.
2. Бовыкин, В. И. (1999). *Французские банки в России. Конец XIX – начало XX в.* Москва: РОССПЭН. 256 с.

3. Витте, С. Ю. (2010). *Воспоминания. Полное издание в одном томе*. Москва: Издательство АЛЬФА-КНИГА. 1247 с.
4. Вишняков-Вишневецкий, К. К. (2004). *Иностранцы в структуре петербургского предпринимательства в начале XX в.* // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Т. 4. № 7. С. 258-270.
5. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Версаль, 21 марта / 2 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель (1996) / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 157-158.
6. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Париж, 20 марта / 1 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 154-157.
7. Г. Спитцер – А. Ротштейну. *Париж, 24 марта / 5 апреля 1899 г.* // Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН, 1996. С. 160-161.
8. Лебедев, С. К. (2016). *Адольф Ротштейн и Русско-Китайский банк* // Азиатская Россия: люди и структуры империи. Сборник научных трудов. Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского. Омск: ООО «Полиграфический центр КАН». С. 365-378.
9. Лукоянов, И. В. (2008). *«Не отстать от держав...». Россия на Дальнем Востоке в конце XIX – начале XX вв.* СПб.: Нестор-История. 668 с.
10. Романов, Б. А. (1928). *Россия в Манчжурии (1892-1906). Очерки по истории внешней политики самодержавия в эпоху империализма*. Ленинград: Ленинградский восточный институт им. А. С. Енукидзе. 605 с.
11. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 560. Оп. 22. Д. 200.
12. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 87.
13. РГИА. Ф. 626. Оп. 1. Д. 88.
14. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 4.
15. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 6.
16. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 44.
17. РГИА. Ф. 632. Оп. 1. Д. 45.
18. *Россия и мировой бизнес: дела и судьбы. Альфред Нобель, Адольф Ротштейн, Герман Спитцер, Рудольф Дизель* (1996) / Под ред. В. И. Бовыкина. Москва: РОССПЭН. 312 с.
19. Belhoste, J.-F. (2011). *De l'industrie à la banque, la Société général en Russie (1870-1900)* // La France et les Français en Russie. Nouvelles sources et approches (1815-1917) / Etudes réunis par A. Charon, B. Delmas et A. Le Goff. Paris : École nationale des chartes : Archives nationales. P. 361-379.
20. Claeys, T. (2015). *Les investissements français en Russie de 1857 à 1914 : conseils, expertises et stratégies* // Quaestio Rossica. № 4. P. 163-179.
21. Claeys, T. (2013). *Un diplomate, écrivain et banquier en Russie : le parcours de Maurice-Paul-Alfred Verstraete* // Французы в научной и интеллектуальной жизни СССР в XX веке = Les Français dans la vie intellectuelle et scientifique en URSS au XX siècle / Под ред. А. О. Чубарьяна, Ф.-Д. Лиштенан, С. Кèре, О. В. Окуневой. Москва: ИВИ РАН. С. 301-328.
22. Verstraete, M.-P.-A. (1897). *La Russie industrielle, étude sur l'Exposition de Nijni-Novgorod*. Paris: Hachette. II-320 p.
23. Verstraete, M.-P.-A. (1899). *L'Oural*. Paris: Hachette. 262 p.

References

1. *A. Rotshteyn – F. Notgaftu. Enkhauzen, 28 iyulya / 9 avgusta 1897 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
2. Bovykin, V. I. (1999). *Frantsuzskie banki v Rossii. Konets XIX – nachalo XX v.* [French banks in Russia. Late 19th – early 20th century]. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).
3. Vitte, S. Yu. (2010). *Vospominaniya. Polnoe izdanie v odnom tome* [Memories. Complete edition in one volume]. Moscow, Izdatel'stvo AL'FA-KNIGA. (in Russian).
4. Vishnyakov-Vishnevetskiy, K. K. (2004). *Inostrantsy v strukture peterburgskogo predprinimatel'stva v nachale XX v.* [Foreigners in the structure of St. Petersburg entrepreneurship in the early 20th century] in *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, t. 4, 7, 258-270. (in Russian).
5. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Versal', 21 marta / 2 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 157-158. (in Russian).
6. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Parizh, 20 marta / 1 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 154-157. (in Russian).
7. *G. Spittser – A. Rotshteynu. Parizh, 24 marta / 5 aprelya 1899 g.* in *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) / Pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN, 160-161. (in Russian).
8. Lebedev, S. K. (2016). *Adol'f Rotshteyn i Russko-Kitayskiy bank* [Adolf Rothstein and the Russian-Chinese Bank] in *Aziatskaya Rossiya: lyudi i struktury imperii. Sbornik nauchnykh trudov. Omskiy gosudarstvennyy universitet im. F. M. Dostoevskogo. Omsk, OOO «Poligraficheskiy tsentr KAN»*, 365-378. (in Russian).
9. Lukoyanov, I. V. (2008). «*Ne otstat' ot derzhav...»*. *Rossiya na Dal'nem Vostoke v kontse XIX – nachale XX vv.* [Keeping up with the powers...]. Russia in the Far East in the late 20th – early 20th centuries]. St. Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. (in Russian).
10. Romanov, B. A. (1928). *Rossiya v Manchzhurii (1892-1906). Ocherki po istorii vneshney politiki samodержaviya v epokhu imperializma* [Russia in Manchuria (1892-1906). Essays on the history of the foreign policy of the autocracy in the era of imperialism]. Leningrad, Leningradskiy vostochnyy institut im. A. S. Enukidze. (in Russian).
11. Rossiyskiy gosudarstvennyy istoricheskiy arkhiv [Russian State Historical Archive] (RGIA). F. 560. Op. 22. D. 200. (in Russian).
12. RGIA. F. 626. Op. 1. D. 87. (in Russian).
13. RGIA. F. 626. Op. 1. D. 88. (in Russian).
14. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 4. (in Russian).
15. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 6. (in Russian).
16. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 44. (in Russian).
17. RGIA. F. 632. Op. 1. D. 45. (in Russian).
18. *Rossiya i mirovoy biznes: dela i sud'by. Al'fred Nobel', Adol'f Rotshteyn, German Spittser, Rudol'f Dizel'* (1996) [Russia and world business: deals and destinies. Alfred Nobel, Adolf Rothstein, Hermann Spitzer, Rudolf Diesel], pod red. V. I. Bovykina. Moscow, ROSSPEN. (in Russian).